

Эльдар Ахатов

**Облако воспоминаний.
Избранная проза**

«Издательские решения»

Ахадов Э.

Облако воспоминаний. Избранная проза / Э. Ахадов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968673-2

Избранная проза известного российского писателя включает в себя как ранее публиковавшиеся работы, так и новые произведения.

ISBN 978-5-44-968673-2

© Ахадов Э.
© Издательские решения

Содержание

Облако воспоминаний	6
Настя	7
Война кончилась	8
Харам	9
Тишина	10
Нинико	12
Три поросёнка	14
Семь роз	17
Серебряный ангел	18
Гиблое место	19
Oblivion	23
Субботник	26
Лапшин	28
Бабочка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Облако воспоминаний

Избранная проза

Эльдар Ахатов

© Эльдар Ахатов, 2019

ISBN 978-5-4496-8673-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Облако воспоминаний

Облако воспоминаний приходит ночью, возникает из безмолвного небытия, прячется мелкой росой в траве забвения, окутывает сердца метелью снов, змеиной позёмкой скользит по артериям и венам, беря сонную душу запахом тлеющего времени, подступая к горлу комом несбывшихся судорожных ожиданий.

Возникают из былого и безмолвно рушатся вдали древние горы, напоминая бушующие волны беспокойного океана. Блуждающие огни незримых городов проносятся сквозь изумлённое тело. И давнее горластое счастье снова зовёт тебя в еле слышное детство...

И нет тебя здесь. Ты – там, пока не покинуло твой дом облако воспоминаний, оставив лишь несколько серебряных дождливых росчерков на предутреннем оконном стекле.

Настя

Не так давно мама рассказала мне историю, которую она слышала от своего отца, моего деда Хасяна (в деревне его звали дедом Василием). Я уже писал о нем и потому добавлю только, что после ранения в его третьей по счету войне (до того он прошел всю гражданскую и финскую) его окончательно списали в трудармию. До самого конца войны деда дома не было, он работал на строительстве оборонных объектов. Вместе с ним был там товарищ, с которым он сдружился за время работы. Звали его Андреем. Тоже после ранения, но моложе деда.

У Андрея случилось большое горе. Ему сообщили, что во время бомбёжки его дом сгорел дотла, а вся семья погибла. И жена, и дети. И остался он один, без родных. В те годы такое было, увы, не редкостью. Вот и у путевой обходчицы Ольги схожее горе. На мужа пришла похоронка, а ребенка у них так и не было, не успели... Иногда схожее горе сближает людей. Особенно, когда они остаются совершенно одни.

Так незаметно Ольга и Андрей сошлись и стали жить вместе. Прошло какое-то время, и на железнодорожную станцию прибыл поезд с детьми-сиротами, собранными из разных мест. Время было очень тяжелое. По каким-то причинам поезд застрял, а кормить детей практически стало нечем. И власти начали обращаться к местным жителям с предложением, чтобы кто может взять к себе хотя бы по ребенку – сделали это.

Ольга, посоветовавшись с Андреем, решила забрать одного ребенка к ним. Она хотела девочку. Пересмотрела всех детей и выбрала ту, которая почему-то запала ей на душу – маленькую Настю. Но Настя была не одна, у неё был младший братик, Ванечка. Девочка смотрела большими умоляющими глазами на тётю Олю и держала за ручку братика. Она сказала, что без него не пойдёт никуда. Но женщина не посмела нарушить уговор с Андреем. Вечером она сообщила ему обо всём. Андрей ответил, что ладно одного, но двоих ребятишек им однозначно не прокормить. Придется искать другую девочку.

Однако сколько Ольга ни ходила к сиротам, ни к кому другому у неё душа не лежала так, как к Насте. А зачем брать в семью – если не по душе? И вот однажды она решилась: будь что будет, но она заберет обоих, не станет их разлучать. И забрала. Дома к вечеру она велела детям залезть на печку и сидеть за занавеской пока не переговорит с Андреем.

Наконец, пришел уставший голодный Андрей. Ольга решила, что сначала накормит мужа, а уж потом обо всём расскажет. Однако он уже заметил странное шевеление на печке за занавеской, только не успел сделать и шага, как оттуда с криком бросились ему навстречу худенькая большеглазая девочка и её громко плачущий братик:

– Папа! Папочка! Родной! Миленький! Ты нашел нас! Родненький наш!..

Андрей, словно пораженный громом, стоял посреди избы, обняв детей до того крепко сцепившимися руками, что разжать их не удавалось ещё несколько часов. Это действительно были его родные дети...

Война кончилась

Война закончилась за пятнадцать лет до моего рождения. Естественно, что ни я, ни мои младшие сестры её не видели. Мы читали повести, рассказы и стихи о ней, ходили с родителями на парады Победы, смотрели художественные и документальные фильмы. Но нам повезло: всё, что мы знаем о войне, нам не довелось испытать на себе. Видеть на экране и читать в книге – это совсем другое. Ты ведь знаешь, что, как бы ты ни переживал описываемое или показываемое, на самом деле всего этого сейчас уже нет. На самом страшном месте книжку можно закрыть, а телевизор – выключить. И всё. И нет никакой войны.

Во дворе я играл с ребятами в войну. Тогда во всех дворах можно было увидеть, как мальчишки бегали с вырезанными из досок «автоматами», а то и просто палками, в «атаки», кричали «ура» и в итоге всегда побеждали всех «врагов». Ими назначались такие же мальчишки, но помладше, потому что «пленными немцами» добровольно не хотел быть никто.

Я любил фильмы про войну, такие, как «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Подвиг разведчика», «Два бойца», «Жди меня» и другие. Тогда было много хороших фильмов, в том числе, и документальных. Вместе с нами их смотрела мама. Однажды я заметил, что в определённые моменты просмотра она вдруг исчезает из комнаты. Поскольку это повторялось постоянно, я обратил внимание на эти моменты из фильмов. Они были разными, но общим в них было одно: с жутким воем пикирующие немецкие бомбардировщики. Как только возникал этот звук, иногда даже без показа самих самолётов, мама буквально испарялась из помещения. Долгое время это оставалось загадкой для меня.

...Когда началась война, моя мама была пятилетним ребёнком и ни в каких сражениях, естественно, не участвовала. Но она, как и её старшие сёстры и моя бабушка, оказалась тогда в особом месте – в блокадном Ленинграде. В её детской памяти запечатлелись от той войны на всю оставшуюся жизнь два момента: ощущение вечного, непрекращающегося голода и этот невообразимо страшный вой пикирующих самолётов.

Много раз она пыталась рассказать об этом и не могла, потому что вспоминать было невыносимо.

В сорок втором году семью мамы эвакуировали. Во время переправы через Ладожское озеро их в упор расстреливали с самолётов. Представьте себе: маленькая, худенькая русоволосая девочка с большими глазами, какой я видел её на единственной сохранившейся довоенной ленинградской фотографии, и огромные, пикирующие на неё с воем и стрельбой, фашистские самолёты. Каково было этому ребёнку? Какой безумный ужас пережила её детская душа в те мгновения? С чем это сравнить? Не знаю. Не с чем. Мама помнит, как моя бабушка обняла плачущих дочек, накрыла их собой и начала молиться о том, чтобы их убили вместе, чтобы не оставляли страдать никого...

Прошло много лет. Очень много. Моя старенькая мама ещё жива. Но всякий раз, когда где-нибудь случайно она слышит тот самый знакомый ужасный звук, она прячется. Да, прячется ото всех, и нужно бежать скорее за ней, найти, обнять и сказать тому плачущему ребёнку с морщинистыми старческими руками: «Мама! Война кончилась, мама! Кончилась война...»

Харам

Однажды мои стихи спасли меня от рабства, а, может быть, и сохранили жизнь... Это было очень давно, в предгорьях Памира, в Таджикистане, где только что отгремела гражданская война. Я случайно оказался в руках вооружённых моджахедов, собиравшихся перейти реку Пяндж и доставить контрабандные товары в Афганистан. Они чрезвычайно обрадовались своей удаче в моём лице.

Их переводчик объяснил мне, что меня собираются завернуть в ковёр и перевезти через Московскую погранзаставу на реке Пяндж, чтобы выгодно продать в рабство в Кандагаре. Что я мог? Ничего. От безысходности и отчаяния я начал читать свои стихи. На русском, разумеется. Конечно, они, кроме переводчика, не понимали ни слова. Но догадались, что это не обычная речь. Переводчик спросил меня чьи это стихи, и я ответил, что мои. Следом всё вдруг изменилось в их поведении. Меня в итоге отпустили, да не просто отпустили, а прежде того расстелили передо мной дастархан (подобие скатерти-самобранки, расстилаемой на полу) с пловом, чаем и восточными яствами. И проводили, как уважаемого человека, до того дома, где я перед этим находился...

Долгое, очень долгое время я не мог ни понять, ни объяснить себе столь странного изменения в поведении моих «тюремщиков». Пока не обнаружил аналогичного случая, изучая историю жизни Лермонтова на Кавказе. Говорят, на Востоке, в горах, легенды живут долго. Гораздо дольше людей. Всем известно, что Лермонтова сослали на Кавказ за правдивые, обжигающие душу строки стихов о смерти Пушкина. Его отправили на войну с горцами, надеясь, что живым с войны он уже не вернётся. И Лермонтов тоже понимал, для чего его отправляют. Но он был не из тех, кто кланяется пулям в бою или прячется за спины солдат, он и в сражении оставался самим собой, втайне полагая, что однажды его действительно убьёт меткий противник. Может быть, поэтому у него – столько печальных стихов о неизбежной смерти в бою. Лермонтов был фаталистом.

Перед боем он надевал красную рубашку и, как фаталист, искал смерти. Но каким-то образом горцам заранее стало известно, кто перед ними. Врага на Востоке ненавидят, но поэтов чтят за их живое слово, за голос народа, звучащий в их голосах, чтят в особенности тех, кто пострадал за правду. Лермонтов бросался в самую гущу боя и, конечно, не подозревал, что в это самое время командиры горских отрядов кричали своим стрелкам: «Видите вон того русского офицера в ярко-красной рубахе? Того, кто впереди, на виду? Не стреляйте в него. Это – поэт!» «Харам!» кричали они своим бойцам и те намеренно стреляли мимо Лермонтова. «Харам» – означает «табу», запрет, смертный грех перед Богом. В представлении горцев Лермонтов был ашугом, так называли на Кавказе странствующих поэтов и менестрелей. Ни одна пуля так и не задела Михаила Юрьевича ни в одном сражении, ни в одной стычке. Поэтов на Востоке не убивают, даже во время войны. Этот мудрый восточный обычай, вероятно, сохранился до нашего времени у некоторых афганских племён: ни при каких обстоятельствах нельзя трогать дервишей и поэтов, ибо Аллах накажет. Именно это правило и спасло меня при встрече с отрядом моджахедов. Поэтов трогать нельзя. Харам!

Кстати, именно это слово повторял своим мучителям перед смертью Муаммар Каддафи. Но это не возымело на них никакого действия. То ли в Ливии было уже иное время, и прежние обычаи порядком забылись, то ли Каддафи не признали поэтом...

Тишина

У них была большая дружная советская семья, где все внутреннее, семейное, держалось на материнских плечах, поскольку отец вечно был занят своей важной государственной работой и широкой общественной деятельностью. А в доме фактической хозяйкой являлась мама, которая, впрочем, никогда этого не показывала, тем более, в присутствии мужа. Она была мудрой женщиной. Со взрослыми. Детям же доставалась вся ее нерастроченная нежность. Особенно младшенькому сыночку. Красавчику и живчику. Не только она, но и его старшие сестры и братья всячески баловали мальчишечку, не знавшего отказа ни в чем.

Поскольку семья была большая, а папа – крупный государственный человек, в доме в папином кабинете стоял на столе телефон, а второй – параллельный – висел в коридоре возле двери. Днем в квартиру приходила специальная домработница Нюра, много лет помогавшая маме по хозяйству. Нюра так свыклась со всеми в доме, что ощущала себя практически членом этой семьи. Другой у нее и не было...

Однажды в южном приморском городе, куда вся семья приехала отдыхать в санатории вместе с отцом, папа решил посетить местный рынок. Дружное семейство перемещалось вслед за папой, безотказно, как дед Мороз, покупавшим детям все, что они пожелают. Когда руки у всех уже основательно отяжелели от фруктов и ягод, и папа уже искал взглядом дорогу к выходу с рынка, младший сынок заметил прилавок с ярко-красным кизилом. Он подбежал к прилавку и начал визжать, требуя немедленно отдать ему все эти красные красивые плоды. Для папы такое сыновнее поведение стало неприятной неожиданностью. С каменным лицом он подошел к ребенку, попытался взять его за руку и увести: все, на сегодня хватит, надо слушаться старших. Однако, ребенок, истерично крича, вырвался, упал навзничь и начал, кататься по земле. Отец от неожиданности застыл на несколько мгновений, затем сгреб сына и быстрыми крупными шагами направился к поджидавшему их автомобилю. Ребенок продолжал визжать и брыкаться. Дома папа вынул ремень из брюк и выпорол сына...

Прошло очень много лет. Дети выросли, завели свои семьи, разлетелись по другим городам. Мама, увы, умерла. Отец и приходящая домработница Нюра остались единственными людьми, оживлявшими пустую огромную квартиру с высокими потолками. Отцу шел уже девятый десяток, младшему сыну – пятый. Уже дети младшего сына сделали его, известного на всю страну ученого-биофизика, молодым дедушкой.

Он прилетел в город на крупную международную конференцию. Вечером, поселившись в отеле, позвонил старенькому отцу и договорился о встрече. Но случилось так, что на следующий день светило биофизики почувствовал себя плохо. Врачи определили у него... детскую болезнь – корь. Ему предложили госпитализацию, однако, он помнил о намеченной встрече с отцом, созвонился, чтобы извиниться, и услышал его предложение: не ложиться в больницу, а отлежаться у него, поскольку места для «карантина» в квартире предостаточно, а добросовестный уход папа и домработница Нюра безусловно гарантируют. И сын согласился.

Это были удивительные дни, когда престарелый папа ухаживал за своим сыном. Они часами общались обо всем на свете, чего раньше не случалось никогда. Папа, опираясь на трость, степенно ходил в ближайшую аптеку за лекарствами для взрослого сына. На ночь он даже отключал телефон, чтобы ничто не тревожило сна его выздоравливающего пациента. Им было хорошо вдвоем, поэтому Нюра заходила ненадолго. Лишь раз, когда во время разговора сын спросил его «а ты помнишь, как выпорол меня однажды?», отец с отсутствующим взглядом ответил «не помню» и вышел из комнаты...

Сын выздоравливал. Неумолимо приближалось время расставания. Оба избегали разговора об этом. Но однажды наступило утро, когда сыну надо было уезжать. Он собрал вещи, вышел в коридор и услышал громкий разговор, доносившийся из кабинета отца. Заглянув

в кабинет, он увидел отца, беседующего с кем-то по телефону, и стал показывать знаками, что уезжает и надо бы попрощаться. Отец кивнул ему и помахал свободной рукой, продолжая разговаривать. Сын подождал. И повторил знаками то же самое. Отец опять кивнул и помахал рукой. Раздосадованный сын вышел. Ему было и обидно, и больно. В коридоре у выхода он не выдержал и поднял трубку параллельного телефона, чтобы понять: чья же беседа оказалась для отца дороже и важнее прощания с ним? Приложив трубку к уху, он застыл в изумлении, не в силах положить ее обратно, только теперь понимая всё... В трубке стояла глубокая нестерпимо долгая мучительная тишина. Аппарат не был подключен к связи.

Нинико

Забавно, когда человек трижды моложе тебя увлечённо рассказывает о чём-то, особенно, если ты это уже не раз слышал, причём, очень недавно. Худенькая небольшого росточка девчушка приглашает прохожих, гуляющих по набережной возле моста, на прогулку по реке. А я особо и не возражаю: поехали! Рукой, сжимающей рекламный проспект, она, тараторя на ходу, приглашает следовать за собой, и мы с ней пересекаем реку по мосту.

Возле пристани на скамейке сидит круглолицый розовощёкий плотненький паренёк. Предлагает взять с собой на катер вина. Оно тут же перед ним в кувшинах на столике не первой свежести. Рядом – поднос с ячейками для стаканчиков и сами пластиковые небольшие стаканчики. Жарко. Вечереет, но солнце ещё высоко. Соглашаюсь на вино, но прошу девчушку добавить к винным стаканчики с водой. А воды нет. Есть только вино. Девушка вопросительно смотрит на меня. Я настаиваю. Паренёк слышит меня, вскакивает и бежит к пожилому мужчине через дорогу за водой. Вскоре он возвращается с прохладным запотевшим стеклянным кувшином, в котором плещется вода. И передаёт его девушке скороговоркой, словно дразнясь, повторяя её имя: «НиникоНиникоНинико!..» Странная улица: с одной стороны вино, с другой – вода...

Нина смущается, опуская взгляд и, кажется, краснеет. Её смущение действует на розовощёкого Гию, как красная тряпка на быка. Он распалается и уже почти вопит на всю улицу: «НиникоНиникоНинико!!!» Внешне она – почти ребёнок, и лишь приглядевшись, понимаю, что скромница в сереньком платьице с по школьному гладко зачёсанными к затылку волосами, скорее всего, учится в местном университете, а у моста подрабатывает вечерами на желании таких же заезжих туристов, как я, прокатиться по Куре. Да, чуть не забыл: мы на набережной в центре Тбилиси.

Подъезжает (чуть не сказал «подскакивает») речной катерок. Рыжий кудрявый подросток сжимает руль и вопросительно посматривает на берег. Нинико с подносом в пластиковых стаканчиках с вином и водой аккуратно перешагивает с берега в покачивающуюся и подрагивающую от нетерпения посудинку. Мотор набирает обороты. Берега отплыли от нас. И вот мы уже на середине реки, а над нами – тот самый мост. Ажурное творение итальянца Микеле де Лукки – пешеходный Мост Мира соединяющий улицу Ираклия II с парком Рике. Покрытый голубоватым стеклом, он находится между Метехским мостом и мостом Бараташвили. Как раз об этом и рассказывает мне сейчас Нина. Заслышав фамилию «Бараташвили», вглядываюсь в небо сквозь голубоватый стеклянный купол над мостом и невольно вспоминаю гениальные стихи грузинского поэта в вольном переложении Бориса Пастернака:

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеvu иных начал.
И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.
Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевою.
Это цвет моей мечты.

Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.
Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.
Это синий негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим...

А наш катерок, ведомый рыжим Авто (так представился мне наш юный речной капитан – Авто, то есть, если целиком, то Автандил) уже приближался к Метехскому мосту, сразу за которым высоко над обрывистым берегом высился памятник царю Вахтангу Горгасали, восседающему на мощном гигантском коне. А за спиной его – Метехская церковь 13 века. Нина с явным удовольствием повествует мне о подвигах святого грузинского царя, правившего здесь в незапамятные времена – в пятом и начале шестого веках, когда ещё не было никакого Тбилиси, а вокруг Куры стояли широкошумные леса, с обильной дичью. Здесь, однажды, охотясь, царь Иберии набрёл на тёплые целебные источники, которые и дали название будущей столице Грузии.

Мы поворачиваем влево вслед за рекой. Над изумрудными волнами то парят, то садятся на воду чайки! Слева – уходящая в даль каменная стена первозданного скалистого берега, увенчанная сверху непрерывной чередой зданий с балконами и балкончиками, нависающими над рекой, словно гроздья ласточкиных гнёзд. А позади – фантастический вид на гору с медленно опускающимся к ней палящим солнцем. На горе – старинная мощная крепостная стена с башнями – крепость Нарикала. Время её основания точно никому неизвестно, однако, говорят, уже в IV веке на этом месте стояла крепость Шурис-Цихе. Цитадель обрела современные очертания в XVII – XVIII веках, но, увы, как горестно продолжает рассказывать мне Нинико, сильно пострадала от взрыва порохового склада в 1827 году. А то она была бы ещё красивей. Хотя лично мне кажется, что и в нынешнем состоянии Нарикала просто неотразима. Особенно – на закате.

Странное ощущение – пустынная стихия зеленоватой куринской речной воды и буквально рядом – шумный смеющийся крышами город. И сухощавый подросток (это внешне, а на самом деле, наверное, всё-таки старше) Авто в шортах, разлапистых сандалиях и коротенькой рубашонке, лихо управляющий рулём. И щебечущая воробушкой Нинико, которую я иной раз почти и не слышу из-за шума мотора и прохладного встречного ветра при ослепительном солнце... Мы возвращаемся. С берега уже доносится дурашливое звонкоголосое торжествующее «НиникоНиникоНинико! НиникоНиникоНинико! НиникоНиникоНинико!»

Я счастлив.

Три поросёнка

Если вы спросите меня: случилась ли вся эта история на самом деле, я вам не отвечу. Может быть, именно так все и было. А, может быть, и не совсем так. А, может быть, и совсем не так. Ведь каждый помнит по своему и свое. Но то, что мой рассказ родился не на пустом месте – наверное, очевидно каждому.

Давным-давно в одном южном городе Советского Союза жил-был очень дружный школьный класс. Восьмой «в». Ровно сорок человек – мальчиков и девочек. Они знали друг друга и друг о друге все или почти все, потому что почти все учились вместе с первого класса да и жили рядом со школой. Помимо уроков многие участвовали в школьном хоре, играли в гандбол в одной команде, маршировали строем в военной игре «Зарница», собирали металлолом и макулатуру, как примерные пионеры. И с уроков на «шаталу» в кино сбегали тоже все вместе. Никто не отставал.

Так было до восьмого класса, так же происходило и в восьмом. Школа являлась обычной десятилеткой, в которую приходили в семь лет. То есть, каждому из одноклассников в ту пору было примерно 15. Изменилось в восьмом только одно: в школе появился новый учитель математики. Молодой. Интеллигентный. Выпускник университета. Атлетически сложенный. В роговых очках. С неисчерпаемым багажом знаний буквально обо всем. Умеющий рассказывать так увлекательно, как не способен был никто из педагогов. Харизматичная личность, как сказали бы сейчас, но тогда таких слов не знали. Половина старшеклассниц школы тут же влюбилась в него, а мальчишки слушали его на уроках так, как слушают мудрого гуру где-нибудь в Тибете. Юрий Гаврилович. Он свободно владел французским, немецким, итальянским и английским языками. Прекрасно разбирался в истории, географии и литературе. Знал наизусть массу стихов в оригинале и переводах. Некоторое время спустя вокруг него образовалось нечто вроде общества любителей всех гуманитарных дисциплин. И, поскольку на все это школьного времени никак не хватало, Юрий Гаврилович стал приглашать наиболее увлеченных учеников к себе домой. Разумеется, с разрешения их родителей. Таких ребят оказалось трое. Все – мальчики с одного класса – восьмого «в».

Дома его рассказы были такими же интересными, как и в школе, но более специфичными. Он рассказывал детям о Великой французской революции, о ее деятелях – Марате, Дантоне, Робеспьере. Прекрасно декламировал стихи о революции, о свободе, равенстве и братстве. Мальчикам запомнилось, как однажды он поставил для них пластинку с «Марсельезой» и подхватил эту песню на французском вместе с голосом певца. Учитель с искренним возмущением и скорбью говорил о том, как высокие идеалы революции со временем подменяются обывательщиной населения и фарисейством руководства на всех уровнях власти. Ребята слушали его, затаив дыхание.

Уходили мальчишки домой вместе. По дороге и позднее в классе, а по выходным – встретившись во дворах возле школы, они горячо обсуждали услышанное от молодого учителя, уже сами находя примеры вранья взрослых, замеченные ими самими, подхалимства и взяточничества, услышанными от родителей, обсуждавших дома на кухнях то, что нередко случалось у каждого из них на работе или в быту. Но если в семьях все заканчивалось обычными «кухонными» разговорами, то для их юных романтически настроенных головушек этого казалось совершенно недостаточно. Им хотелось каким-то образом выразить свой протест так, чтобы все вокруг поняли: не все согласны с подобным положением, существует реальное сопротивление всеобщему злу, каждый имеет право на свои убеждения. Короче: «Да здравствует свобода!»

Как раз в это время город готовился к приезду первого лица государства – генерального секретаря ЦК КПСС, увешавшего себя в тот период уже тремя звездами Героя всего-всего

наигероического. Огромные портреты Брежнева с тремя звездами на груди были размещены местным руководством по всему городу, в том числе и по предполагаемому пути следования правительственного кортежа.

В горячих юных головах созрел дерзкий и детски наивный план, которым они поделились со своим идейным «вождем» – Юрием Гавриловичем. Тот восхитился дерзостью и простотой плана, но предостерег ребят от реальных действий, из-за которых у них могут быть неприятности. И тут подростки впервые возразили ему, так им стало обидно отказываться от задуманного. Возник спор, который, впрочем, никого не переубедил. И ребята ушли, поскольку приезд генсека ожидался на следующий день, и, если действовать, то действовать нужно было именно в эту ночь... Мальчишки подготовили целую пачку листовок формата А4 для расклейки по городу. Слова на листовках были написаны от руки – «Да здравствует Свобода!» Листовки ночью были расклеены. Но главным было не это. «Изюминку» протеста жители города заметили, когда рассвело. На одном из самых крупных плакатов с изображением генсека, расположенном на автотрассе, по которой ожидался проезд высокого гостя, на месте трех золотых звезд Героя красовались фигуры трех грязных поросят... КГБ принялось за работу. Конечно, генсек ничего такого не увидел. Во-первых, потому что прибыл на сутки позже. Во-вторых, плакат довольно быстро заменили, но жители города все-таки успели им «полюбоваться» и веселились от души.

Часам к одиннадцати утра в школу, где училась тройка свободолюбивых подростков, прибыли сотрудники госбезопасности. Они знали все. Бледная от страха, трясушаяся директриса Ида Львовна немедленно собрала всех педагогов школы и в присутствии кгбистов с их разрешения рассказала им о случившейся истории, позорящей всю школу, после чего слезно попросила работников карающих органов дать школе последний шанс продемонстрировать глубокую сознательность своих учеников, их приверженность принципам социализма и коммунизма, и... так далее, и тому подобное. План директрисы был и суров, и прост, и по ее мнению, справедлив... Госбезопасники в целях воспитания в детях приверженности к социалистическим ценностям любезно согласились подождать конца придуманного Идушкой Львовной «спектакля».

Вскоре весь восьмой «в» был выстроен во внутреннем школьном дворе, закрытом от сторонних глаз с трех сторон (с четвертой двор закрывала высокая тенистая изгородь). Ребят и девчат расставили по восемь человек в пять рядов так, чтобы между каждым из них было расстояние примерно в один метр. Директриса приказала детям стоять по стойке «смирно», как такое бывало (правда, в общем строю, не отдельно) на тренировках к строевому маршу в «Зарнице», до тех пор пока кто-нибудь из них не сообщит имена трех «бунтовщиков» и учителя, который их вдохновил на «позор всей школе». Она не посмела даже сообщить классу о том, что же произошло прошлой ночью, но была уверена, что кто-то из детей об этом непременно уже знает. Она не ошибалась в этом. Если не все, то многие знали. Она ошиблась в другом... Прошло полчаса, миновал час. Никто из детей не пошевелился и не издал ни звука. Наконец, одна из девочек потеряла сознание. Ее унесли. Завуч Екатерина Теодоровна с грубым солдафонским голосом и мужскими кулачищами продолжала следить за остальными. Прошло четыре часа. Продолжавших стоять на школьном дворе осталось на ногах меньше половины, когда кгбистам надоел «весь этот театр» и они молча забрали с собой «бунтовщиков»... Никто из троих мальчиков не выдал учителя. Класс расформировали. Детей разместили по другим школам. С родителей юных «бунтарей» взяли подписки об ответственности за поведение и воспитание и, разумеется, о неразглашении. Дети, все трое, были несовершеннолетними, иначе им их поведение обошлось бы гораздо дороже. Юрий Гаврилович за всей экзекуцией над восьмым «в» классом наблюдал во окно, поглядывая из-за занавесочки.

Он сильно переживал, но не смог заставить себя выйти к своим воспитанникам, поскольку его мучила совесть: это он предал их и написал донос в КГБ вечером после ухода

детей. Потому их сразу и «нашли». В своем предательстве учитель признался мне позже. Гораздо позже. Через много-много лет... в письме. Издалека. Наверное, ему от этого стало легче.

А у меня перед глазами до сих пор та ужасная и в то же время потрясающая картина: дети, одиноко стоящие на плацу, не выдавшие никого. Их родители были разных наций, ныне нередко враждующих между собой, разных вероисповеданий, разного социального уровня: обеспеченные и не очень, рабочие и врачи, музыканты и вчерашние сельские жители... Всем им низкий до земли поклон, они правильно воспитали детей: никого нельзя предавать. Даже если очень страшно.

Семь роз

Однажды на Крайнем Севере, в середине лета, а точнее, в день моего рождения, друзья подарили мне семь высоких голландских роз, как обычно, напичканных химией, для того, чтобы им простоять до следующего после продажи дня и умереть, как говорится, «с чувством исполненного долга». Розы были столь прекрасны, что, хотя я и понимал, какая участь ожидает их в ближайшее время, но мысленно все же взмолился, обращаясь к Тому, Кто Может все, с просьбой продлить жизнь хотя бы на сколько-нибудь семи моим красавицам. И чудо случилось: розы не завяли, а засохли – примерно через неделю, но рядом с засохшими веточками появились новые, более мелкие с изящными молоденькими листочками. А через месяц все семь роз расцвели снова. На этот раз распустились не семь, а несколько десятков небольших пылающих бутончиков. Наступила осень. Грянула зима. Но розы продолжали цвести. Одни бутоны сменялись другими.

Наступило время моего отпуска. Время, которое я посвящаю родным и семье. Мне нужно было ехать на юг, чтобы навестить маму. Уезжая, я попросил коллег по работе присматривать за моими розами. Они старались. Но напрасно. Когда я вернулся, то увидел, что из всех семи роз живой осталась только одна веточка с единственным ярким бутончиком, а все прочие – умерли... Десять дней и ночей я отчаянно боролся за жизнь своего последнего цветка. Но все было напрасно. Одинокая розочка умерла, так и не пожелав оставить своих подруг.

Прошло несколько лет, но каждый раз в день своего рождения, едва проснувшись, я невольно бросаю взгляд в сторону пустого подоконника, словно все еще надеюсь на чудо...

Серебряный ангел

Впервые она заметила его в шевелящихся лунных изломах воды близ набережной Лиссабона, города, в котором ей мечталось оказаться с тех пор, как однажды, повествуя о великих путешествиях и открытиях, упомянул о нём отец, сам – заядлый путешественник. Ангел шевелил полупрозрачными крыльями и улыбался ей младенчески нежной улыбкой. И она улыбалась в ответ. Девушка и ангел... так длилось некоторое время, пока чудесное существо окончательно не растворилось в водных глубинах...

Через два месяца он возник снова – в узорах на морозном окне её квартиры. Теперь он куда-то терпеливо летел среди намороженных кудрявых облаков. Долго-долго. Целых несколько кратких сибирских дней поздней осени. Пока крылатый гость не исчез полностью в облачных узорах на промороженном оконном стекле.

Папу чаще можно было увидеть на телеэкране, чем встретить дома. Его бесчисленные экспедиции всё никак не могли кончиться. Лишь одно правило соблюдалось нерушимо из года в год: первого января все папины дети, в том числе, разумеется, и она, собирались в одном из лучших городских ресторанов на праздничную встречу с отцом. Исполнялись любые детские мечты о новогодних подарках. За столом каждый имел право заказать любое самое экзотическое или дорогое блюдо. Никаких ограничений. Словно в волшебной сказке... Она давно выросла. Окончила университет. Работала в крепкой туристической фирме, в той сфере, которая лично ей нравилась всегда. Но новогодних папиных подарков и встреч ждала по-прежнему с детским ощущением чуда.

Незадолго до нового года её осенило насчёт папиного подарка: это должен быть серебряный ангел-хранитель. Тот самый, который уже являлся ей дважды. Теперь он должен явиться в третий раз и остаться с ней навсегда, чтобы оберегать её всюду в странствиях земных, морских и небесных. Она сообщила о своём желании папе по интернету. И он заказал дочери ангела, но его не успели доставить к 1 января. А следующие семь дней страна традиционно не работала...

Наступил восьмой день нового года. Отец был уже далеко от её города. Он готовился к новым северным маршрутам, складывал необходимые вещи в своём временном пристанище, когда вдруг неудержимо захотел спать и ненадолго прилёг на диван. Сон длился не более часа. Без сновидений – словно глубокий провал в никуда. Очнувшись, он не сразу сообразил, что именно изменилось.

Попытался встать. Не получилось. Не слушалась правая нога. Попытался взять в руку телефон. Но правая рука так и осталась лежать на месте, словно мёртвая. Попытался возмутиться, но вместо слов из его горла вырвалось одно лишь натужное мычание. За следующие полчаса ему удалось добраться до входной двери, невероятным усилием воли одолев пять или шесть метров, и отпереть её левой рукой. Затем он позвонил товарищу. И тот сразу догадался зайти к нему, почуяв неладное. На его счастье, «скорая» явилась почти моментально. Замерили давление, поставили капельницу, дали лекарство и начали спускать по подъезду к медицинскому реанимобилею.

И тут раздался звонок телефона, с которым он теперь не расставался ни на миг, удерживая его левой здоровой ладонью. Звонила дочь. В её громком взволнованном голосе было такое несомненное счастье, каким оно бывает только у детей, встретивших Деда Мороза с мешком волшебных подарков. Только что курьерская почта доставила ей Серебряного Ангела-Хранителя – новогодний подарок отца. Из телефонной трубки нескончаемым потоком звучали слова благодарности, восхищения и дочерней любви. Больного занесли в автомобиль. Машина направилась к больнице. А он всё продолжал лёжа разглядывать присланную дочкой фотографию чуда – серебряной подвески ангела, хранящего отныне его живое сокровище...

Гиблое место

Это лезвие небезопасно,
Не ступай по нему, не шути:
Что угодно разрежет, как масло,
И живым не позволит сойти.
Может, ты и поверишь в кого-то,
Устремись за чем-то вослед:
Не твоя это, братец, забота.
Ничего там на финише нет.
И никто этот шаг не оценит.
И никто о тебе не всплакнёт.
Ни удачи, ни славы, ни денег —
Ничего кроме бед и хлопот.
Но, увы, ни хулы, ни молитвы
Не способны его отвернуть...
Он шагает по лезвию бритвы,
И не меркнет сверкающий путь.

Зима в этом году поздняя. В октябре у нас сорокоградусные морозы – привычное дело. А тут – постоит день-два лёгонький холодок, и снова оттепель. По топким, болотистым местам – ни пройти, ни проехать, пока их хорошенько не прохватит морозом. А мест таких здесь предостаточно. Говорят, что и само название окрестностей в переводе означает «гиблое место». Так ли оно – не знаю, но версия эта существует издавна. Не по своей прихоти, но по требованию федерального закона о недрах все горнодобывающие организации обязаны иметь на территориях своих месторождений геодинамические полигоны, состоящие из сети глубинных реперов, и проводить на них измерения, чтобы знать где и какие деформации в недрах земли имеют место, и насколько они опасны для людей. Работы по созданию таких полигонов проводятся специализированными геодезическими предприятиями.

Одна из подобных организаций трудится и на наших месторождениях. На сухих и относительно сухих участках земной поверхности в удобное для полевой работы летнее время реперы были успешно и вовремя заложены. Но в наших краях огромное количество таких мест, в которых летом невозможно не только работать, но даже и добраться туда нереально. Болота. Топи. Трясины. Там можно находиться только в зимнее время, когда большой мороз превратит сплошные хляби в твердь.

Наши подрядчики собирались заложить требуемые проектом репера в подобных местах в октябре, после того как ударят крепкие морозы. Но никаких морозов не было весь октябрь. И начались они ближе к середине ноября. Как только морозная погода установилась, полевые работы начались полным ходом. Полевики торопились наверстать упущенное время и носились по тундре на снегоходах, как угорелые.

Вечером в субботу 8 декабря случилось несчастье. Дмитрий, ведущий геодезист, богатырь – косяя сажень в плечах, оставил полевую бригаду на сооружении репера, а сам в одиночку на снегоходе решил проехаться по просеке на рекогносцировку конечного пункта, до которого оставалось буквально несколько километров. Ехал он с санками позади снегохода. На одном из поворотов санки застряли. Геодезист их отцепил и решил подобраться к ним на снегоходе с задней стороны. Подъехал. И в этот момент у него отказала поджелудочная железа, а следом – и сердце. Смерть была почти мгновенной. Я был знаком с Дмитрием лично и могу характеризовать его только с хорошей стороны: не раз и не два выезжал с ним на маршрут, вместе

мёрзли, не раз делились хлебом-солью, поэтому когда узнал о случившемся несчастье, скорбел о нём, как о своём близком товарище.

Бригада занялась его поисками через несколько часов, когда труп уже порядком окоченел. Ребята знали, что их командир – человек чрезвычайно опытный, и, естественно, никому и в голову не пришло, что причина, по которой он не выходит на связь, столь трагична. Вызвали полицию и «скорую», которая, впрочем, не приехала, сообщив, что за мертвецами традиционно не ездит. Полицейские осмотрели место происшествия, составили акт осмотра, а на словах сочувственно сказали ребятам, что здешние места весьма богаты на подобные несчастные случаи: то с охотниками, то с рыбаками, чуть ли не каждый месяц – по трупу. «Гиблое место» – произнёс один из них напоследок и по-доброму посоветовал уезжать отсюда поскорее.

Но прежде, чем следовать толковому совету полицейских, необходимо было завершить работы, и передать сооружённые репера представителю заказчика по соответствующему акту. Сдавать работы приехал другой ведущий геодезист. Представителем от заказчика был я. Для того, чтобы добраться до гиблого места, диспетчерами был предоставлен колёсный вездеход, всего две недели как прибывший с завода, абсолютно новёхонький. Вчера утром все собрались на крайней обжитой точке месторождения, чтобы выдвинуться оттуда в голую заснеженную тундру на воображаемую линию, соединяющую все репера полигона.

Однако, 19-го декабря так ничего и не получилось. Так называемый «вездеход» проехал по тундре не больше двухсот метров. Застрял через сто, а через двести зарылся в снег так, что всем стало ясно: у нас единственный шанс – вернуться, пока не поздно, обратно. Лебёдка примерзла, и трос не разматывался. Колёса резали сугробы до основания, и никакое снижение давления в них не имело никакого эффекта. Водитель, судя по растерянной реакции, понятия не имел, как управлять машиной в таких условиях. В общем, нас спасло лишь то, что мы не слишком отдалились от автодороги. Дул сильный ветер. Крепчал мороз. К вечеру столбик термометра опустился до минус 27.

У меня оставалось всего два рабочих дня, после чего в субботу в соответствии с графиком отпусков я собирался лететь к семье в Красноярск на новогодние праздники. Поэтому единственным шансом для подрядчиков оформить документы на оплату выполненных работ до нового года было штурмовать ледяную пустыню тундры 20 декабря. Следующий день нужен был для оформления документов по приёму – передаче объектов. Теперь с другим вездеходом, за рулём которого сидел знакомый уже моим читателям по рассказу «Отморозки» опытный водитель Иван – плотный, круглоголовый, не истерик. От подрядчиков в кабину «трэкола» сели ведущий геодезист Алексей и его водитель, он же член полевой бригады, Альберт. От заказчика опять был я. Двинулись с Богом. «Трэкол» шёл довольно резво. «Буксанули» всего лишь в одном месте – на заметённом бугре над неширокой речкой. Это летом речки – препятствие. Зимой, замёрзшие и заметённые, они иной раз почти незаметны. Почти.

На двенадцатом километре пути выяснилось, что полбака горючего уже нет. Все задумались, но решили продолжить движение. Завтра ожидается мороз под 42 градуса. Вряд ли в такую погоду можно рисковать с выездом в голую тундру, где и сегодня погода – не подарок: на термометре минус 33. Велик риск не вернуться совсем. Прикинули, что до ближайшей буровой горючего всё же должно хватить, да и часть обратного пути решили сократить, поскольку идти по тем же реперам необходимость уже отпадёт. Продолжили путь.

Сумрак надвигался быстро. Въехали в лес – хилый, северный, но всё-таки лес. Здесь не так дует, как в чистом поле. Лесная зона узкая, но протяжённая, вдоль реки. Как раз до гиблого места. А вот и оно. На 33 километре лесной просеки возле места недавней гибели геодезиста мы остановились, и все вышли из машины почтить память товарища, замёрзшего здесь, возле дороги, двенадцать дней назад. Место достаточно небольшое. Узкое. Развилка, на которой одна дорога резко под 90 градусов сворачивает влево, а другая тянется прямо. Всё вокруг измято снежными буграми. Сиреневые рыхлые полярные сумерки. Кажется, что дух погиб-

шего геодезиста всё ещё где-то рядом. Минута молчания. Тишина, нависшая над пропастью неминуемого...

Едем дальше. Просека сужается. Здесь по ней ещё не пробивался ни один «трэкол». Вездеход «Лось», протиснувшийся между деревьев неделю назад с навесным буровым оборудованием, значительно меньше в размерах. Наш «трэкол» то и дело скрипит, но пробивается по узкому прогалу между сумеречными силуэтами деревьев. Вот и конечный репер номер 1067. Фотографирую его на память. Последний репер, до которого так и не добрался наш товарищ. Разворачиваемся.

Через пару километров выясняется, что у вездехода вот-вот выйдет из строя вариатор. Неприятности «гиблого места» продолжают. Вскоре рвётся ремень генератора и помпы. Слава Богу, у Ивана есть запасной. Меняет. Продолжаем движение в полной темноте. Наконец, вдали появляются огоньки буровой. Обратный путь до неё оказался на 12 км короче за счёт того, что мы двинулись напрямую по заснеженной целине. Естественно, учитывая все «прелести» местности, где под порой не слишком глубоким снегом таятся овраги, канавы, озёра и просто глубокие ямы.

Наконец-то выбираемся из тундры на площадку для техники позади буровой. Поход окончен. «Гиблое место» преодолено. Осталось, правда, ещё добраться с месторождения до города. Но это уже «мелочи». Дело сделано. Можно собираться в отпуск... Так казалось мне тогда, зимним вечером 20 декабря. Но я ошибся. История закончилась не этим. Похоже, она вообще всё ещё не закончилась.

Ровно через месяц после гибели Дмитрия 8 января чары гиблого места догнали и меня: инсульт, парализованы правая нога и рука. В левом полушарии мозга томограф обнаружил две мёртвые зоны. Ровно через месяц, 8 февраля, моя жена Люба увезла меня долечиваться домой, в Красноярск. Я не сдаюсь: уже хожу, уже шевелю пальцами. Ещё подволакиваю ногу, ещё не вполне владею пальцами и нечётко пишу, но пишу ведь! И я вернусь, вернусь, обещаю тебе Дмитрий. Нет таких мест на земле, где мы не пройдем. Нет и не будет

Ни на белом свете, ни на чёрном,
Ни на самом деле, ни во сне
Ты уже под небом беспризорным
Никогда не явишься ко мне...
Твой уход был дерзок и нечаян:
Просто сердце обратилось в лёд.
«Потерпи, я вынесу, хозяин!» —
Грохотал упрямый снегоход.
И ревел он, заглушая вьюгу,
Словно звал к себе издали,
И возил, возил, возил по кругу
Час назад живого седока...
Эй, проснись! Смотри: во тьме и снеге
Словно отшагали полземли,
За тобой пришли твои коллеги!
За тобой товарищи пришли!..
В зимней тундре холодно и мглисто,
Но туда, где света торжество,
На руках несут геодезиста
Братья по бессмертию его.

Постскриптум

Вчера товарищи покойного Димы сообщили мне такую новость: их высокое геодезическое начальство наградило меня юбилейной медалью. За то, что не бросил коллег, дошёл с ними до конца маршрута и принял работы дмитриевой бригады...

Кто знает, может быть, откажись я 20 декабря ехать с ними по незавершённом им маршруту (а стоял жестокий мороз с ветром, и предыдущая попытка 19 декабря оказалась неудачной, мы вернулись ни с чем), и со мной ничего бы не случилось? Смерть, унесшая его, прошла по моей правой руке и правой ноге. Только зацепила, но не добила. Формально: выезжать в поле в ту погоду, какая стояла 20 декабря, запрещено инструкциями. Но это я другим могу запретить, а совести своей – не могу. Бывают такие моменты, когда подтвердить человек ты или нет можно только поступком. Нет других вариантов.

21.12.2018 – 14.03.2019

Новый Уренгой – Красноярск

Oblivion

Заметил: у гениев – глаза детей, а если так, то и у детей должно быть глаза гениев. Какими они вырастут – это уж как ляжет карта, но в детстве, наверное, все люди – гении. Ибо все живут настоящим, прошлого ни у кого ещё нет, да и будущее пока не напрягает. Для гениальности, как и для музыки, важен только настоящий момент, настоящее время. Невозможно быть гениальным вчера или завтра. Только здесь и сейчас. Так и музыка – это всегда сейчас, всегда настоящее. Не где-нибудь завтра, не когда-нибудь вчера. Она звучит сейчас. Не важно – слышим мы её или нет. Даже становясь тишиной, она продолжает жить и звучать...

Я находился в небольшом магазинчике со стеклянной наружной стеной, за которой в обе стороны мелькали прохожие – такие же обитатели местного тюменского курорта, как и я. Продащица о чём-то энергично рассказывала (вероятно, мне), сопровождая речь показом то одного, то другого товара. Но слух мой неожиданно уловил иную речь – музыкальную – откуда-то снаружи из-за призывно распахнутой стеклянной двери. Это был диалог скрипки и фортепиано, сцепившихся в вихре танго. Не произнеся ни слова, я покинул магазинчик и направился навстречу звукам неувелимо знакомой мелодии.

Где же я это слышал? Когда? В некотором отдалении от барных столиков, за которыми густо расположились слушатели, две женщины средних лет в облегающих концертных платьях завершали исполнение очень знакомой мне музыкальной пьесы на скрипке и цифровом фортепиано. В зале было темновато, Неяркий свет мягко освещал небольшую сцену. Я заторопился сделать пару фотографий на память, не сразу сообразив, что можно снять и на видео. А когда сообразил, музыка, увы, кончилась.

Вздыхнул и, опустив голову, направился в свой номер. И тут, в коридоре перехода из одного санаторного корпуса в другой, откуда-то изнутри моей же памяти догнал меня задорный голос уличного конферансье: «Апос! Апос!! Апос!!!». Вечерний Буэнос-Айрес. Центр города. Пешеходная улица Флорида, освещённая сдвоенной ниткой подвесных ламп на уровне потолка второго этажа и светом магазинных витрин. Небольшой пешеходный перекрёсток. Лысеющий худошавый брюнет в бежевом жилете с красноватым галстуком время от времени что-то быстро говорит в микрофон, а потом снова звучит музыка и страстная пара исполняет гремящее танго...

Пары меняются. Невозможно в аргентинском климате беспрестанно двигаться в таком темпе. На месте только конферансье – всё тот же неутомимый громкоголосый зазывала-живчик. Он постоянно напоминает публике об аплодисментах. И люди аплодируют, задерживаясь на пару минут поглазеть на уличных артистов. Или проходят мимо, если нет времени. Одну танцевальную пару сменяет другая. Вот вместо джентльмена в строгом чёрном костюме и славной такой пышечки в полупрозрачном платье с разрезом во всю ногу выходит парень в чёрном пиджаке, широких синих брюках и пронзительно белых туфлях под руку с сухощавой долголицей женщиной средних лет. Танцующих дам красавицами-то не назовёшь, обычный мужчина прошёл бы мимо, не заметив ни ту, ни эту, если б они просто стояли или сидели. Но они танцуют танго. И танцуют его так, что глаз не оторвать!

Я вспомнил эту мелодию! Это «Либертанго» Астора Пьяцоллы! И понеслась моя память в далёкую осень 1979 года под крышу здания с мансардой, стоящего и поныне на одной из линий Васильевского острова в Питере. И жили в этой мансарде двое юношей-студентов – поэт и музыкант. А ещё – хозяин квартиры – 95-летний дедок с ноготок, но с папиросой, помнивший о том, как сапожничал ещё при царе-батюшке. У музыканта было детское лицо с восторженными, влюблёнными в мир вдохновенными и беззащитными глазами. А поэтом был я.

Музыкант мечтал скопить очень много денег и приобрести на них какую-то невероятно раритетную гитару для сочинения и исполнения на ней гениальной музыки всех времён и наро-

дов. По крайней мере, он не раз делился этой мечтой с другом-поэтом. При этом лицо музыканта становилось таким неземным и светлым, словно мерцающим изнутри, как лицо юного Астора Пьяццолы.

А затем судьба разделила друзей на долгие годы, на несколько десятилетий. И лишь во времена сотовых телефонов и сплошной интернетизации земного шара им повезло вновь обнаружить друг друга. За это время произошло много глобальных мировых событий, повлиявших и на их жизни. Исчезла их общая родина – Советский Союз. Поэт, родившийся в Азербайджане, остался в России. А музыкант, родившийся в Казахстане, оказался в Аргентине, где его основным языком жизни стал испанский. Они недолго переписывались и созванивались: поэт полетел к музыканту. И они встретились.

В Буэнос-Айресе. Возле гостиницы «Салес». И пили мы за встречу «ерба мате» двумя бомбильями из одной калebasы. Это такой парагвайский чай – напиток из высушенных и измельчённых листьев падуба парагвайского. Бомбилья – особая металлическая или деревянная трубочка с фильтром, через которую пьётся настой. В Аргентине это слово произносят как «бомбижья». Калebasа – традиционный сосуд для приготовления и питья мате, тонизирующего напитка народов Южной Америки. Сосуды выделывались индейцами из древесной тыквы-горлянки. Познакомившиеся с напитком испанцы начали производить калebasы также из других материалов, таких как древесина палисандра, дуба, железного дерева кебрачо, а также из фарфора, керамики и серебра.

И вспоминали мы нашу жизнь, непредсказуемую, как танго. И рассказывали о ней друг другу. У моего музыканта, как и у Астора Пьяццолы, была в жизни своя судьбоносная Надя, так звали его супругу. А Пьяццола вспоминал о своём парижском педагоге Наде Буланже: «Нади научила меня верить в Астора Пьяццоллу, верить, что моя музыка не так плоха, как я думал. Я ведь часто думал, что я – ничто, потому что играю танго в кабаре, однако, у меня есть то, что называют стилем. Но это было скорее неким сортом внутренней свободы стыдливого исполнителя Танго. Только благодаря Нади, я внезапно освободился, и с этого момента я понимал, какую музыку буду играть». Великий Астор написал опериту «Мария из Буэнос-Айреса» о смерти и воскрешении девушки Марии – духа аргентинского танго нуэво.

Мой друг не разбогател, не приобрёл уникальную гитару и не прославился на весь мир. Прах аргентинской Марии – его юной дочери – покоится на кладбище Реколета в Буэнос-Айресе. Отец помнит о ней и носит туда цветы – «для Маши». У каждого в жизни свои потери. Толчком для создания известнейшей композиции Пьяццолы «Adios Nonino» стала смерть в октябре 1959 года его отца – Висенте Пьяццолы. Что такое потерять отца, я понимаю:

Я сегодня речь сказать —
Не большой мудрец:
Этой ночью год назад
Умер мой отец.
Плох он был или хорош —
Не ищу словца:
Миг – год прошёл, как дождь.
...Год, как нет отца.

А что такое потерять своего ребёнка, потерять дочь – не дай Бог знать никому!..

Пьяццола всю жизнь играл на бандонеоне. Это такая гармоника с душой виолончели. Великий Астор мечтал о том времени, когда его инструмент бандонеон станет солировать в симфоническом оркестре, а танго, как и вальсы Штрауса, будет признано явлением классической музыки. Его мечты сбылись.

Его гениальнейшим творением считаю «OBLIVION» – «ЗАБВЕНИЕ» – музыку к кинофильму «Генрих IV». Сам Астор исполнял это произведение на бандонеоне. Но, на мой взгляд, не менее потрясающе оно звучит в исполнении виолончели хорватского музыканта Степана Хаусера. Почему эта музыка так трогает мою душу? Это очень личное: композитору удалось передать в ней сам дух давно ушедшего времени почти полувековой давности. Это – как воспоминание о том времени, которое никогда уже не вернётся и не повторится. И со смертью его носителя – исчезнет во Вселенной безвозвратно...

Пьяццолу удалось невозможное – сохранить в мелодии и передать слушателям ощущение неуловимости и исчезновения. Когда я услышал это, то впервые почувствовал, что такое «невыносимо»... Это когда в горле такой спазм, что даже от слёз стало бы легче, но они не идут, не идут, не идут...

«Музыка – больше, чем женщина: с женщиной можно развестись, а с музыкой – никогда. Женившись на ней однажды, вы уйдёте с ней в могилу», – не раз повторял Пьяццолу друзьям. И это – правда. Мой постаревший аргентинский товарищ с детским выражением глаз остался в душе тем же ребёнком-музыкантом, каким был в давние незабытые нами обоими семидесятые.

«Вся моя жизнь» – говорил маэстро Астор, – «это Грустное танго. Вовсе не оттого, что я грущу. Нет, я счастлив, я люблю вкусную еду, хорошее вино – я люблю жить! У моей музыки нет причин быть грустной, но она грустна просто потому, что это Танго. В ней есть драма, но нет пессимизма». И мы можем сказать так же о каждом из живущих и живших на Земле. Лишь бы не случилось Забвения.

Каждой весной в конце октября – начале ноября весь Буэнос-Айрес, как, впрочем, и вся Аргентина на два месяца погружаются в сиреневый сон. Это цветёт джакаранда. Улицы, переулки, дороги, проспекты, парки и площади – всё вокруг источает лёгкий запах мёда. Это пахнет джакаранда. Сиреневым туманом её цветов окутаны все пространства – внешние и внутренние, какие только есть вокруг вас. Джакаранда в Южной Америке – хозяйка у себя дома. И потому здесь ей позволено всё. Здесь это практически культовое растение. Затем начинаются сиреневые дожди, они смывают цветы джакаранды с деревьев и окрашивают в сиреневый цвет всё на земле и воде – газоны и бассейны, фонтаны и дорожки... а когда падают на землю последние цветы джакаранды, на ней начинают распускаться новые молодые листья. И бессмертие жизни продолжается, не переставая, из года в год. Из тысячелетия в тысячелетие...

Аргентинское танго – джакаранда народа этой страны, то, что скрепляет людей в единое. И продолжает цвести из года в год. А значит, всё было не напрасно, и забвение не наступит никогда.

Субботник

Они не виделись сорок лет. И, возможно, так бы и не увиделись никогда, если бы не деятельная настойчивость её второго мужа, которому она однажды рассказала ту правду о себе, о которой долгое время и сама не знала. Первому её мужу то ли было всё равно, то ли она с ним и не делилась. Что помнит о своём двухлетии любой из нас? Ничего. Память ребёнка в таком возрасте недолговечна. Мать ничего не рассказывала о том её возрасте. А когда она подросла, у неё был замечательный добрый отец – рыбак и охотник. Дома – на все руки мастер. Вскоре в её семье одна за другой народились младшие дети – две девочки, её сестрички. Она ходила в школу, занималась спортом, лыжами, ориентированием. Была отличницей. Наконец, настала пора определяться с вузом. И мама повезла её в большой город, в котором сама жила в молодости. Дочка успешно сдала экзамены, получила койку в комнате студенческого общежития.

Матери пора было возвращаться на работу. Но беспокойное материнское сердце не могло оставить ребёнка совершенно одного, без присмотра и опеки в чужом огромном мегаполисе. Мама как-то странно вздохнула и повезла дочку по известному ей из прошлой жизни адресу. Их встретили женщина в годах, юноша и девушка примерно такого же возраста, как и дочка. Так она впервые узнала, что у неё есть родная тётя, двоюродный брат и двоюродная сестра. А ещё есть где-то человек, от которого она когда-то родилась.

Много лет назад её мама бежала от этого человека с ребёнком на руках на север, на самый край света. Без тёплой одежды. Без вещей. Без копейки денег. Лишь бы подальше. Лишь бы не догнал, не достал, не продал извращенцам или бандитам, лишь бы не изувечил бесконечными побоями, лишь бы не убил её и ребёнка так же, как однажды в пьяном беспомыслии зарубил топором своих родителей, её родную бабушку и родного дедушку. Вот та причина, по которой его тогда не было на свободе: мотал срок за зверское убийство своих родителей.

Тётя, её муж и их дети тепло приняли юную студентку. Жила она в общежитии, но они навещали её, нередко снабжали едой и делились одеждой, всегда были рады её приходам, всякий раз усаживали за стол. Так и прошла её студенческая пора. Только когда она выходила замуж, родители строго-настроено запретили ей приглашать их на свадьбу. Она расстроилась, ведь тётиня семья не сделала ей ничего дурного. Наоборот. Но тётя не стала обижаться. И при первом муже, и при втором, она регулярно приходила к племяннице то с кулём картошки, то с сумкой свежей моркови и свеклы, всем делилась, что было в своём огороде или росло на дачном участке. Так и носила, пока не умерла. Но дружба между двоюродными сёстрами осталась.

Изредка, сначала с тётей, а после и с её дочкой заходила речь о том человеке, которого она ни разу так и не видела. Называть его отцом она не хотела. Отцом для неё был тот, кто находился рядом с её матерью всё её детство и так и остался в семье до старости. Но в глубине её обиженной души, что-то, по-видимому, шевелилось. Какой-то непроизнесённый вопрос. Постепенно она узнавала новую для неё информацию. Женился тот человек в молодости по любви. И плодом той любви стала она. Зарабатывал он в ту пору хорошо и собой был пригож, но рано пристрастился к спиртному и нехорошей компании. Был тщеславен. Любил бахвалиться. А если пил – то до одури. Начал играть в карты на деньги. Проигрывался дотла. Спьяну не раз вымещал злобу на жене, кричал, что продаст её и ребёнка за карточные долги. Протрезвев, ничего такого не помнил.

Однажды после очередной мужниной попойки и скандала, она забрала ребёнка и сбежала из дома в прямом смысле куда глаза глядят. Когда до него, протрезвевшего, дошло случившееся, он принялся её искать, но не нашёл и запил опять. Вместо того, чтобы как-то собраться, он начал стремительно опускаться, заливая своё горе спиртным. Естественно, его родители были в курсе событий. Однажды, они устроили такое застолье втроем, что родители, напившись, заснули, а их сын впал в белую горячку. И случилось страшное...

Разумеется, он ничего не помнил, но все улики очевидно указывали на него. И его посадили за двойное убийство в невменяемом состоянии. Впрочем, ни соседи, ни близкие и не сомневались в его виновности. Работал он прежде лесорубом, даже в передовиках числился, вот и порубил спящих родителей... на дрова.

Много воды утекло с тех пор. Отмотал зека положенный срок, выпустили его, а возвращаться некуда: ни кола, ни двора, ни семьи, ни угла, ни работы: какому работодателю и где теперь нужен душегуб – убийца отца и матери? Никому. Совсем он опустился. Снова запил. Забомжевал. Начал болеть, заговариваться. Разбил его паралич. И появился у него, наконец, свой казённый угол – койка в доме инвалидов. Сидит в инвалидной коляске, в окошечко смотрит, старенький. Правда, говорит теперь не всегда понятно, нечленораздельно.

Когда она узнала от двоюродной сестры о том, где он теперь, то не сразу, но решила его навестить. Приехала на своей машине, поставила её во дворе напротив инвалидного дома и зашла в своей норковой шубе в его комнату со стоячим тяжёлым воздухом, какой обычно бывает в помещениях с малоподвижными инвалидами. Стоит возле его коляски, не знает что ему сказать. И он не знает. А со стороны сразу видно что... в общем, похожи они на лицо. Только что у него – старое, обрюзгшее и оплывшее, а у неё ухоженное и, конечно, гораздо моложе. Ничего никому объяснять не надо. Задали друг другу стандартные вопросы про самочувствие да про дела. Оставила она ему соленья, варенья, а он ей иконку серебряную. И распрощались. Тяжело это. Обоим тяжело...

Начал он ей с той поры названивать. Когда выпьет. Трезвый – ни разу не позвонил. А пьяный звонит в самое неподходящее время, то когда она на работе на совещании, то когда в магазине на кассе рассчитывается. Звонит, требует, бог знает чего, лопочет по-непонятному, сердится, что его не понимают. До того надоел, что она его номер заблокировала. И ходить к нему – больше не ходила.

Идёт время... Года три так прошло. Сестра двоюродная сообщает ей как-то, что он память начал терять. Опомнится, про неё вспоминает, просит передать, чтобы она его навестила. А потом опять уже ничего не помнит. Весна пришла. В компании, где она работала, объявили о том, что в выходной будет субботник, надо прибраться на подшефных территориях. Целый перечень. Организация большая. И один из адресов – дом инвалидов. Ни дома, ни на работе она ни с кем не поделилась своим планом, но в день субботника приехала к инвалидному дому. Ответственный за субботник, жалея личное время трудящихся, предложил им прибраться на территории там, где это бросается в глаза, а по всяким кустам в поисках мусора – не лазить. А именно там, под кустами, и валяются банки да склянки из-под спиртного, которые некоторые инвалиды втайне от медперсонала выбрасывают туда после распития.

Она в одиночку очистила от мусора все прилегающие к зданию кусты. Заполненных мусорных мешков набралась целая гора. Затем она предупредила коллег о том, что ей надо в здание якобы по естественным надобностям и побежала с сумочкой в знакомую комнату. Конечно, он не ждал её. Мало того, он её не признал и спросил, когда она торопливо ставила на тумбочку заранее приготовленные домашние угощения: «Ты кто?». Она назвала своё имя. Он знающе покачал головой, впрочем, так и не догадавшись, кто перед ним: «Ну, спасибо! Молодцы». И отвернулся к окну.

И она ушла. Медленно и устало шла она по больничному коридору дома инвалидов, не замечая слёз по человеку, которого ни разу в жизни так и не назвала отцом, который уже никогда не узнает, кто к нему сегодня приходил...

Лапшин

Этой ночью снился мне странный сон... Огромные-преогромные ворота посреди неба. Резные, вроде как из наиценнейших пород деревьев: и черного, и красного, и коричневого, и белого, и желтого – всех цветов и оттенков, какие только бывают. Резьба искусная, тонкая, всё до самых мелких деталей разглядеть можно: тут и виноградные лозы с гроздьями, и львы рычащие, и медведи, и зайчики, и птички поют, и леса широкие, и реки текучие, и горы высокие, дальние, серебристые... Стал я вглядываться: а оно всё живое и есть! Шевелится, дышит, ветрами шумит...

А перед воротами темя облака белоснежные клубятся, и выглядывают из них отовсюду, как из кустов, малыши-ангелочки. Видно, что много-много их там. Выглянут и снова прячутся.

– Да, что ж это делается, куда вы поразлетелись, поразбежались-то опять, а?! Ну-ка, быстро сюда! Эй, малышня! Хватит копошиться, в кошки-мышки играть, а то я сейчас уже рассержусь!

Громыхая зычным голосом, прохаживается вдоль врат насупленный здоровенный дядька с широкой стриженной бородой и зорко посматривает на ребятню. Раз! Ухватил одного, который зазевался, приоткрыл ворота и подбросил его легонько туда. И полетел малыш, ревя и посверкивая крылышками, полетел на землю, в новую свою жизнь...

Чей же это голос был? Знакомый же, а вот спросонья не разберу никак.

– Ах, вы курвы такие! И как это вам на ум такое взбрело! Уволю! Завтра же заявление на стол и вон из роддома к... матери! Кольца, серьги нацепили, косметики килограмм на рожи свои бесстыжие! Это ж родильное отделение, а не бордель! Совсем ума нет!!! Какие вы медработницы?! Бабье натуральное! В родильном отделении всё должно быть стерильно! ... вашу мать! Вам же русским языком сказано было!

Разъярённый главврач Лапшин выпроваживает из родильного двух дамочек в халатах. Обе в слезах. Новенькие. А ведь действительно говорил он им обо всём при приеме, предупреждал, но дамы, видимо, решили, что указания местного начальства можно корректировать по своему усмотрению. Ошибочка вышла. У Лапшина с этим строго. Не порезвишься.

Вот он большой, как самовар, стоит со стаканом горячего чая перед окном в своем кабинете и смачно ругается уже по другому поводу. Лапшин – в матерщине мастер уникальнейший. Как закатит «соловьиную руладу» – залюбуешься разнообразием могучего русского языка. Сколько же в нём нюансов и коленцев неведомых кроется!

Мат я как бы пропускаю, но в остальном смысл произносимого примерно таков:

– Вот же какие девчонки нехорошие, нехорошие, совсем очень нехорошие! Это ж надо! Я их только что в туалете поймал курящими, нехорошие они такие, и выпроводил на нехорошо! Их, нехороших, сюда на сохранение привезли, обеим семнадцати нет, вместо мозгов одно нехорошее, а они, глянь, курят, стоят за уличными дверями! Нехорошо! Нехорошо, нехорошо! Попростужаются же, нехорошие такие девочки!

Какие из них будущие матери? Как они детей растить будут? У обеих на локтях синё, поистыкано уже с такого возраста, да и по глазам нехорошим видно, чем занимались.

Вот эта, нехорошая такая, отказную хочет написать на младенчика своего. Ещё не родила, а уже отказывается, ах, какая же она нехорошая матушка!

Девушки в махровых халатах с большими выпирающими животами тем временем накурились, намерзлись на осеннем ветру у порога роддома и, разговаривая друг с другом, вальяжно зашли обратно. Им-то не слышно...

В роддоме номер четыре обычного сибирского города, в котором служил врачебную службу главврач Лапшин, пусть было также бедно, как и везде у бюджетников, но, по крайней мере, чисто и ответственно по отношению к роженицам и малышам.

Здесь невозможны были ситуации, чтобы женщину в предродовой оставили одну, чтобы кому-то сделали кесарево сечение и забыли убрать послед, чтобы шов на матке нечаянно подшили к тканям мочевого пузыря, чтобы кого-то случайно заразили лишаем или чем-то ещё, чтобы родившую вывезли в коридор и оставили там на полдня зимой под открытым окном, чтобы кормящим матерям давали гороховый суп или салат с огурцами, чтобы посетители проходили прямо в палаты в верхней одежде и грязной уличной обуви...

Вроде бы так и должно быть, но если честно, без вранья: всегда ли и везде ли у нас по жизни есть то, что должно быть?

Да, Лапшин матерился, да, устраивал жуткие разносы персоналу, если находил за что. Да, в райздраве он вырывал «свое» для роддома, за каждую бюджетную строку боролся до последнего, и потому всегда был «неудобным» для любого начальства. Начальство его, естественно, не любило, но, хотя придраться, чтобы уволить, у нас можно и к забору, Лапшина не увольняли, потому что охочих на его место почему-то всякий раз не находилось. А ещё потому, наверное, что у роддома Лапшина были самые низкие показатели детской смертности и заболеваемости во всем регионе.

Лапшин любил порядок на своём «корабле». Однажды, по какой-то сантехнической причине поздно вечером сломался душ. Ну, как в роддоме без душа? И работники районного ЖКХ, попытавшиеся сопротивляться отговорками про то, что «давайте, утром разберемся», познали на своей шкуре смысл выражения «вальпургиева ночь». Слово за слово и – Лапшин учинил им драку. В самом прямом смысле. С приездом милиции и прочими разборками. Тут уж все думали, что его уволят...

И случилось-таки два чуда. Первое: к трем часам ночи душ работал как часы. Второе: Лапшина оштрафовали, лишили премий, дали строгий выговор, сделали наипоследнейшее предупреждение, но главное... всё-таки оставили на работе.

А вот он коллег щадил не всегда. Раз довелось ему услышать в операционной, как молодой ассистент смачно называет кричащего, только что родившегося красного младенца кусочком мяса. Через два часа мрачный, как осенняя туча, Лапшин в своем кабинете нарочито вежливо предложил юноше написать заявление об увольнении по собственному желанию. Никакие извинения приняты не были.

– Молодой человек, нам с Вами не по пути, у нас тут есть только люди. Большие и маленькие. А мясо ищите, юноша, в мясных лавках. Мы не сработаемся. Прощайте...

У главврача, который кроме всего прочего еще и сам частенько принимает роды и делает операции, свободного времени не бывает. Но если каким-то чудом оно возникало, то помимо общения с семьей, где его с радостью ждали жена, дочка и маленький внучок, любил Лапшин подремать с удочкой где-нибудь на озерке или речке, коих в сибирских краях превеликое множество.

Ну, и выпить дома, как всякий русский, он мог, конечно. Иногда. И закусить, естественно. И неплохо закусить, поскольку и жена, и дочка готовили отменно. С годами, к сожалению, стал одолевать лишний вес. Перешел на диету. Шутил, что вместо ожидаемого похудания живота первым похудело то, что поправилось последним – лицо. Из спиртного в кабинетном сейфе всегда имелся хороший коньячок. Нет-нет, сам Лапшин на работе никогда не употреблял, исключительно для гостей...

Никто ни разу не видел его плачущим. Лишь однажды, после многочасовой борьбы за жизнь новорожденного, когда врачам пришлось всё-таки отступить, из операционной громяхая матами на всю больницу, вышел в коридор усталый Лапшин с еще неснятой повязкой

на лице. Он кричал и грозил неизвестно кому, потрясая немойтой окровавленной перчаткой... а глаза его над повязкой как-то странно влажно блестели и такая неизбывная боль в них была, словно ушел из жизни не маленький безмянный чужой человек, а кто-то очень родной и близкий.

Что могло стать последней истинной причиной его ухода – так и осталось неизвестным, может быть, вся эта дёрганная, взбалмошная, какая-то неправильная жизнь, но в пятьдесят три года сердце Лапшина остановилось...

Прощание с доктором Лапшиным проходило в огромном зале местного Дворца культуры при громадном стечении народа. Пол возле покойного был покрыт алыми цветами вровень с гробом, в котором лежал вроде он, а вроде уже и не он, черты лица его заострились, и исчезло с них то, что делало его знакомым громыхающим Лапшиным.

Более же всего поражало воображение количество детей, пришедших на прощание со своим первым в жизни Главным Врачом. Их были многие и многие тысячи, их невозможно было сосчитать и даже увидеть всех сразу... Кого-то вели за ручку, кого-то везли в колясках, но были и те, кого просто несли на руках...

– Мама, а кто это такой там лежит?

– Дяденька Лапшин, сынок.

– А зачем мы здесь, мам? Тут так тесно, столько народу...

– Сейчас пойдём, сынок. Попрощаемся с доктором и пойдём, потерпи.

– А он что: уезжает куда-то?

– Да, сына, уезжает...

– И куда? В Африку?

– Дальше, сынок, далеко-далеко, там его ждёт много-много детишек, которым он должен помочь. Он уходит для того, чтобы они появились на свет... и пришли к нам...

Бабочка

В пятницу духота продолжалась. Окна открытые настезь – надежда на сквознячок. За полярным кругом вентиляторами не принято запасаться. С улицы несёт гарью лесных пожаров. У нас здесь лесов нет: чахлое редколесье в речных долинах и возле – не в счёт, большая часть окрестных земель – заболоченная тундра с одинокими низкорослыми деревцами и кустами. А то и без них. По радио в новостях передали, что в течение трех ближайших августовских ночей в разных уголках планеты можно будет наблюдать уникальный метеоритный дождь: тысячи звезд упадут на землю, и самый сильный звездопад случится завтра в ночь. Усмехнулся: какие звездопады? Дымчато-серое небо сплошь покрыто облаками. Ни единого прогала. К вечеру стало заметно прохладнее и сырей. Заморосил, зашуршал еле слышно мелкий дождичек.

За окнами шипит невидимый мокрый асфальт под колёсами автомобилей. Падают отдельные дождевые капли с карниза. А это что за шорох – непонятный, громкий и совсем рядом? Вроде и не на улице, а в соседней комнате. Заглянул туда и обомлел: бабочка! Большая, красивая, яркая. С густо-оранжево-коричневыми крыльями в черных и редких белых пятнышках, с черно-белой мелкими зубчиками каймой по всему периметру. Машет ими часто-часто, то прижимаясь к плоскости оконного стекла, то зависая в уголке рамы. Что за чудо! За три лета на Севере нигде ни разу не видел бабочек. Комаров, мух, оводов, ос, мошки – видимо-невидимо рассмотрел, но бабочек – не доводилось. А тут – нате, сама в дом залетела. Да такая нарядная и крупная. «Окна открыты, улететь ей несложно» – подумал я и поспешил за фотоаппаратом: хоть сфотографировать на память, не то после сам себе не поверю, решу, что пришло.

Вернулся: нет, не улетела ещё. Чтобы фотография получилась чётче, приблизил руки с фотоаппаратом к бабочке. Она испугалась, замахала крыльшками ещё чаще. Никак снимок не получается. Взмолился мысленно: «Да, не бойся ты меня! Не трону. Замри, пожалуйста!» И вдруг, словно услышала, замерла на месте. Снимок получился, и я ушёл, довольный, на кухню, готовить ужин. Потом, как обычно, сидел допоздна в интернете и незаметно уснул.

В субботу с утра стало ясно, что дождь не прекращался, усилился ветер. Проснувшись от холода, я решил, что давно пора закрывать все окна. Честно сказать, и не думал о бабочке. Просто зашёл в ту же комнату и... обнаружил её на месте. Не улетела. И правильно: на улице зябко, в квартире гораздо комфортнее. Она вновь запорхала вертикально по стеклу, но не испуганно, а как бы, приветствуя меня. Я невольно улыбнулся. Привет, привет! Не хочешь ли ты сказать, что решила поселиться у меня? Вот и ладно. Живи сколько хочешь. Я тебя не гоню.

День был выходной, и потому я занялся всякими личными делами: то ходил в магазин, то подметал и пылесосил полы, то стирал и гладил рубашки, ну, и в интернет опять-таки зашёл. Потом на меня снизошло очередное вдохновение, и я начал записывать что-то очень важное для себя на тот момент. Забылся и вдруг почувствовал чьё-то присутствие совсем рядом. Кто это? Начал озираться и заметил краем глаза... бабочку на своём плече. Она сидела спокойно, чуть покачивая раскрытыми крыльями. Я затаил дыхание. Надо же: какие нежности. Так продолжалось некоторое время. Затем я не сдержался, шумно выдохнул. И бабочка улетела в свою комнату.

Нет, она больше не появлялась возле меня, но продолжала скромно сидеть там, у себя, на краю окна. Прошла суббота. Дождь, мелкий, морозящий, продолжался. В воскресенье утром бабочка приветствовала меня так же, как вчера. Я уже как-то привык к её сосуществованию рядом со мной. словно так и было всегда. На следующее утро, в понедельник внезапно подумал: а ведь её бы надо кормить! Но чем? Кормят обычно собачек, кошечек, этих понятно чем. Только вот бабочки не едят такую пищу. Чем же её угостить? Решил обратиться к друзьям

через интернет с этим вопросом. Задал его и ушёл на работу. Зябкий, промозглый скучный день.

Поведал коллегам о бабочке. Все подивились. Одна женщина заявила, что за свои двадцать девять рабочих лет, проведённых здесь, на Севере, никаких таких бабочек сроду не видела. Оленей – да, песцов – да, мух – навалом, а чтобы бабочек... Я показал фотографию. Некоторые отнеслись и к ней с недоверием. Однако, новость не осталась незамеченной. Коллега из соседнего отдела сообщил следующее: обычно бабочки питаются нектаром цветов и соком перезревших фруктов. Ну, да, об этом и я догадывался. Но дома может и не быть нектара, а держать в квартире гнилые фрукты что-то не очень хочется. Оказывается, нужно развести пару чайных ложечек сахара или меда на половину стакана с водой. Чтобы бабочка догадалась, что это – еда, ей нужно дать попробовать приготовленное на вкус. Для этого необходимо острой тонкой иглой или зубочисткой раскрутить бабочке хоботок и окунуть его кончик в сладкий раствор, после чего бабочка успокоится и начнёт питаться. Желательно подкармливать её раз в сутки, тогда она дольше проживёт...

Где там у неё хоботок, и как всё это сделать, не повредив ей ничего, ума не приложу, но моя бабочка не ела уже три дня! Кое-как дождавшись обеденного перерыва, я помчался домой. Мёд у меня был, поэтому я сразу направился на кухню, развёл его в воде, налил медовую воду в блюдце и вошёл с ним в комнату к бабочке.

В комнате было тихо. Ничто не шуршало. На краю подоконника лежало нечто маленькое, хрупкое и тёмное. Я подошёл, поставил блюдце. Моя бабочка лежала на боку со сложенными крылышками и не двигалась. Осторожно положил её на свою ладонь и медленно открыл окно. На улице тоже было тихо. Дождик кончился. Может быть, это звездопад принёс тебя ко мне? Зачем ты прилетала? Словно в ответ, лёгкий ветерок пошевелил безжизненные крылышки, и первые солнечные лучи пробились сквозь облака...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.